

УДК 504.06

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В РОССИИ

Г. А. Фоменко,

д. г. н., профессор, председатель правления Института «Кадастр»

В России повышается роль универсальных инструментов природоохранного регулирования в связи со вступлением в ВТО и подготовкой к присоединению к ОЭСР. В то же время модернизационный тренд можно обеспечить только опираясь на базовые культурные ценности. Социокультурные условия регионов страны влияют на эффективность импорта зарубежных природоохранных институтов и обуславливают пределы институциональных заимствований. Опыт стран БРИКС показывает, что культурные коды следует не фетишизировать, а конструктивно оценивать с позиций соответствия этапу модернизации и требованиям экологической безопасности и, при необходимости, целенаправленно вносить системные коррективы в природоохранную институциональную систему.

The role of universal tools of environmental regulation in Russia is growing due to its entry into the WTO and the preparation to join the OECD. At the same time the modernization trend can be achieved only on the basic cultural values. The social and cultural conditions of the country's regions affect the efficiency of the import of environmental institutions and determine the limits of institutional foreign borrowings. BRICS experience shows that the cultural codes should not be made a fetish, but should be subjected to the constructive evaluation from the points corresponding to the stages of modernization and environmental requirements and, if necessary, they should be adjusted to the environmental institutional system.

Ключевые слова: формальные и неформальные природоохранные институты, институциональные ограничения, социокультурная методология управления природоохранной деятельностью.

Keywords: formal and informal environmental institutions, institutional restrictions, social and cultural methodology of environmental management.

Цель природоохранного управления состоит в достижении устойчивого состояния природной среды через создание соответствующей институциональной системы. Современная ситуация в мире, характеризующаяся быстрыми изменениями в научно-технической, финансовой и экономической сферах, способствует усилению тенденций нарастания неустойчивости, что затрудняет достижение такой цели даже в наиболее экономически развитых странах. В России это еще сложнее: одно дело — в условиях стабильных, исторически сложившихся отношений собственности, в том числе на природные ресурсы и землю, развивать подсистему управления, регулируемую поведение в отношении природной среды. Другое — решать ту же проблему в условиях незавершенной модернизации и связанных с ней изменений в структуре прав собственности, неустойчивости самого общества и субъектов экономической активности.

Вот почему так важно определить наиболее вероятные направления развития природоохранного управления в стране, оценить их с позиций социально- и культурно-обусловленных институциональных ограничений, определить наиболее рациональные пути совершенствования механизмов природоохранного регулирования.

Важнейшими факторами, обуславливающими направление и динамику развития всей системы управления природоохранной деятельностью, следует признать вступление Российской Федерации во Всемирную Торговую Организацию (ВТО) и поставленную Президентом задачу по подготовке к вступлению в Организацию Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР). Эти принципиальные решения, принятые центральной властью, несмотря на сопротивление значительной части бизнес-элиты, связаны с решением важнейшей задачи обеспечения достойного места нашей страны в мировой экономике XXI века в условиях нарастания процессов экономической глобализации.

Этапы регулирования взаимоотношений внутри системы «человек—природа», обусловленные экономической деятельностью

Механизмы регулирования (технические, правовые)	Нормативы. Показатели. Критерии	Уровень регулирования	Годы	Принцип взаимоотношения (философская доктрина)
Отдельные указы по регулированию деятельности конкретных предприятий	—	Уровень предприятия	1900—1920	Поиск и неограниченное освоение ресурсов (теоцентризм)
Правила технической безопасности; Санитарно-гигиенические нормы; Международные договоры в области охраны отдельных компонентов окружающей среды	ОСТ, ст, гост, СНиП, СанПиН	Уровень предприятия	1920—1960	«Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача» (техноцентризм)
Первые специальные комплексные законы об охране природы — экологические нормативы; Концепция нулевого риска	То же + ПДК, ПДВ, ПДС	Уровень отдельных стран	1960—1980	Рациональное природопользование (антропоцентризм)
Совершенствование и расширение сферы охвата природных сред законами (от охраны отдельных сред до права граждан на благоприятную среду), в том числе и на международном уровне; Концепция приемлемого риска	Разработка новых критериев: оценки и управления рисками — экологическими, ущерба здоровью, социальными, техническими и т.д.	Уровень локальный, региональный, национальный. Уровень континентальный (Европа). Уровень международных соглашений	1980—...	Рациональное природопользование / концепция устойчивого развития (философия экологического гуманизма)
Постепенный переход к унифицированным законам для эколого-социально-экономических систем	Показатели устойчивого развития, разработка новых критериев	Уровень локальный, региональный, национальный, глобальный	С 1995—...	«Эволюциоцентризм» и развитие подходов устойчивого развития
Развитие отраслей «зеленой» экономики как рефлексия на снижение интегральных, в т.ч. экологических, рисков и как важнейший элемент устойчивого развития	Показатели устойчивого развития и оценка интегральных рисков (последствий климатических изменений и др.)	Уровень глобальный, континентальный, региональный, локальный	С 2007—...	Устойчивое развитие с минимальными рисками для экосистем и человека

Глобализация стимулирует конвергенцию¹ методов управления природоохранной деятельностью, так как именно они в значительной степени подчинены международным рыночным силам, прежде всего силам конкуренции. Важно отметить, что это накладывает на общество дополнительные затраты — и при эффективном управлении охраной окружающей среды, и при ее деградации. Под влиянием конвергенции формируются наднациональные экологические стандарты. Так, стандарты на продукцию в странах-членах ОЭСР, а также в большинстве других стран требуют, чтобы импортеры в целях соблюдения безопасности и сохранения здоровья потребителя выполняли ряд обязательных природоохранных условий и не получали коммерческой выгоды в результате экономии за счет

невыполнения экологических требований. Последнее закреплено в базовых документах ВТО.

Основные тенденции в отношениях «человек—природа», наблюдаемые в наиболее экономически развитых странах (таблица), распространяются из центра на периферию мировой экономической системы.

В институциональном аспекте на глобальном уровне выделяют три основных группы инструментов управления природоохранной деятельностью: административные, экономические и социальные (рисунок). Многие из них применяются в современной России. Речь идет о платежах за загрязнение окружающей среды, о нормировании отходов, о разработке локальных планов действий по охране окружающей среды (ЛПДООС) и т. п. Исследования Института «Кадастр» показали, что многие инструменты, заимствованные из опыта зарубежных стран в 90-е годы, видоизменились до неузнаваемости по

¹ Конвергенция (от лат. *convergere* — приближаться, сходиться) — сближение в сторону слияния, устойчивого равновесия и развития (Большой экономический словарь / Под ред. А. Н. Азриляна. — 4-е изд. доп. и перераб. — М.: Институт мировой экономики, 1999. — 1248 с.).

Основные инструменты управления природоохранной деятельностью

Основные инструменты управления природоохранной деятельностью

мере их встраивания в исторически сложившуюся институциональную систему. В результате, если сопоставлять с экологической результативностью и практикой других стран, непропорционально возросли затраты бизнеса на разработку разрешительной документации, особенно в сфере управления отходами, значительно увеличилось время прохождения различных согласований².

Для понимания сложившейся ситуации простых сопоставлений отечественных механизмов природоохранного управления с зарубежным опытом явно недостаточно: необходим институ-

² Отчет Института «Кадастр» «Разработка предложений по совершенствованию механизмов экономического стимулирования субъектов предпринимательской деятельности к инвестированию собственных средств на природоохранные мероприятия / НИПИ «Кадастр», 2009. 448 с.

циональный анализ импорта институтов с особым вниманием к социокультурным особенностям страны и ее регионов³. В наиболее ясной форме понятие «институты» определил в рамках неинституциональной экономической теории лауреат нобелевской премии Даглас Норт [1], рассматривая их как правила игры на футбольном поле, где игроки — это организации, которые, руководствуясь собственными интересами, действуют в сложившемся институциональном поле.

Природоохранные институты бывают формальными и неформальными.

Неформальные природоохранные институты выражаются в обычаях, традициях, религи-

³ Такой анализ целесообразно выполнять уже на этапе априорной оценки возможности импортирования новых институтов (авт.).

озных нормах и правилах, ограничивающих и регламентирующих воздействие на окружающую среду. Они складываются без чьего-либо сознательного замысла, как побочный результат взаимодействия множества людей, преследующих собственные интересы. Содержание неформальных правил не поддается точному описанию, как и роль, которую они играют в развитии любого сообщества. Однако именно они в значительной мере определяют диапазон выбора принимаемых решений. *Формальные природоохранные институты* отличаются от неформальных по степени проявления. Например, природоохранные запреты на уровне племенных, неписаных правил отличаются от современных конституций, законов и т. п. в основном уровнем сложности. Такое усложнение происходило по мере развития общества. Создание юридических систем, призванных решать все более сложные конфликты и споры, влекло за собой расширение сферы применения формальных правил. Формальные природоохранные институты устанавливаются и поддерживаются сознательно, в основном силой государства. Природоохранные институты не изолированы и являются неотъемлемыми элементами любых территориальных институциональных систем. Они постоянно развиваются вместе с обществом и системами государственного устройства.

Институциональный подход сегодня применяется и в географических исследованиях. Его парадигму в первом приближении можно выразить утверждением, что территориальные неравенства в распределении богатств вызваны различием институтов. В последние годы Boschma и Frenken [2], представляя новую классификацию подходов к экономико-географическим исследованиям, выделили в ней помимо так называемой новой экономической географии также *институциональную экономическую географию и эволюционную экономическую географию*. сторонники эволюционной теории доказывают, что выяснение, почему что-то существует, неотделимо связано с выяснением, как это что-то стало тем, что есть. Используя такой подход, эволюционная экономическая география концентрируется на динамике «зависимости от пути» (path-dependent dynamics), которая обуславливает неравномерное экономическое развитие в пространстве. Эволюционное направление выделилось в 80-е годы XX века, но систематически оно было разработано в 1990-е годы; в последнее время наметились тенденции сближения методологиче-

ских подходов институционального и эволюционного направлений.

Институциональный анализ природоохранного управления в качестве важнейшего элемента также предполагает исследование институциональных заимствований. В теории выделяют институциональные заимствования из опыта других стран, собственной или чужой истории, а также из теоретических разработок [3]. Примеры всех видов заимствований можно наблюдать в российской истории [4, 5]. Наиболее активное импортирование природоохранных институтов происходит в периоды перехода к новому модернизационному циклу. В такие моменты истории меняются структуры спроса и цен на сырье, активизируются процессы миграции людей: изменяются транспортные пути, возникают новые города и умирают старые. В подобные периоды возникает потребность в государственной защите ранее не используемых в экономике природных ресурсов (в основном для военных нужд или экспортируемых) или территорий.

К особой форме импорта институтов можно отнести психологическое давление передаваемой информации, поскольку история цивилизаций показывает, что психологическое воздействие сведений о другой жизни вызывает существенные институциональные изменения. Последствия существенного возрастания роли этого института в природоохранной сфере вследствие развития новых средств коммуникации (интернет, мобильная телефония и т. п.) изучены еще слабо; тем не менее, можно уверенно говорить о его важнейшей роли в понимании глобального характера многих экологических проблем, в спасении отдельных редких видов животных и растений. С другой стороны, формирование нового типа виртуальных сообществ влечет за собой ослабление исторически сложившихся территориальных общин, носителей культурных кодов, в том числе относительно земли и природы. Более того, развитие виртуальных миров в интернет-пространстве может нести угрозу постепенного разрушения «Dasein»⁴ по М. Хайдеггеру⁵, без чего сложно мотивировать бережное отношение к своему дому и окружающей природе.

⁴ «Dasein» означает «действительное присутствие (Anwesenheit) в мире» (Этой проблеме Хайдеггер посвящает пар. 7 «Основных проблем феноменологии», Ср. Heidegger 1927 b 36—37). Более того, Хайдеггер придает ему новый — онтологический смысл.

⁵ Мартин Хайдеггер. Бытие и время. AdMarginem, М., 1997

В России изучение состояния и динамики институционального пространства в природоохранной сфере все еще находится в начальной стадии. Исследования в аспекте разработки социокультурной методологии природоохранной деятельности [6-8] показали, что применительно к природоохранным институтам наиболее слабо изучены вопросы их места и роли в региональных институциональных системах; социокультурные ограничения институционального импортирования; проблемы обеспечения возможностей и реализации методов расширения исторически обусловленного «коридора» институциональных изменений в сфере управления природоохранной деятельностью. Недостаточность исследований динамики институционального пространства страны повышает риски принятия неверных стратегических решений на основе «жизненного опыта» распорядителей ресурсов разного уровня. В условиях ускорения процессов экономической глобализации, информационной революции и явно обозначившегося перехода наиболее экономически развитых стран к новой, все чаще называемой «зеленой», экономике риски принятия неверных решений значительно возрастают.

В современной России многие природоохранные институты, возникшие еще в советское время, переплетаются с заимствованными из опыта наиболее экономически развитых стран. Например, сформировавшийся еще в начале 90-х годов XX века низкоуровневый и экологически нерезультативный симбиоз оказался достаточно устойчивым, ибо в его сохранении заинтересованы влиятельные группы интересов. Фактически имеет место классическое проявление «QWERTY» — эффекта, описанного еще П. Девидом [9, 10].

Для лучшего понимания сути сложившейся ситуации рассмотрим развитие природоохранного управления в России, используя институциональный и эволюционный подходы. Начнем с констатации факта, что природоохранные институты не являются изобретением сегодняшнего дня и имеют длительную историю. На протяжении веков они побуждали природопользователей к соблюдению конкретных экологических ограничений хозяйственной деятельности, будь то общинные правила поведения, религиозные запреты или требования государственных законов.

Развитие природоохранных институтов не было ритмичным и последовательным. В российской истории можно выделить несколько пе-

риодов перехода, для которых характерен бифуркационный характер институциональных процессов. В эти периоды в результате воздействий различной степени интенсивности происходили существенные изменения институциональных систем и определялся тренд будущего развития на длительный период.

Первым периодом перехода следует назвать момент формирования еще в мезолите⁶ институциональных протосистем оседлых общин, включающих в себя преимущественно неформальные институты. Природоохранное регулирование в то далекое время стало распространенным явлением, в основном земледельческих общин, впервые столкнувшихся с необходимостью самоограничений в природопользовании и учета возможной локальной истощимости природных ресурсов [6]. Именно тогда возникли первые природоохранные институты: общинные нормы и правила, табу, которые ограничивали или регламентировали природопользование с позиций сохранения приносимых природой благ — основы выживания первобытных общин. Многие общинные природоохранные институты сохраняются сегодня и являются важными элементами местного самоуправления. Как правило, их использование не вызывает отторжения со стороны местного населения и рассматривается как уважение к историческим корням и опыту предков.

Второй институциональный переход связан с развитием институциональных систем более высокого порядка на основе общинных протосистем. Такие точки перехода можно найти в истории всех древних цивилизаций. Возникновение крупнейшего торгового государства Восточной Европы IX века — Киевской Руси — стимулировало очередной институциональный переход. Расширение торговли из варяг в арабы и позднее из варяг в греки привело к необходимости защиты торговых путей, организации сбора товаров (в виде дани) для последующей продажи в других странах. На первых этапах развития, при относительно малом объеме торговли дружинам викингов не требовалось какое-либо природоохранное регулирование. Общины и племенные образования, с которых брали дань (полюдье), регламентировали природопользование на основе старинных обычаев. Расширение

⁶ Это был достаточно длительный период с позиций сегодняшнего дня, однако он может быть условно рассмотрен как единый момент истории с общими характеристиками.

торговли вызвало потребность в охране и регламентации (на уровне протогосударственных объединений племен, а затем и государств) использования отдельных природных ресурсов, которые являлись экспортным товаром и взимались в виде податей и угроза истощения которых была осознана властью. В княжеских лесах поданным была запрещена или ограничена охота на ценного зверя. Тем самым в институциональном аспекте было положено начало формированию системы особо охраняемых природных территорий (ООПТ).

В Киевской Руси возникли первые государственные законы («Русская правда» и др.), которые регулировали все стороны жизни общества того времени, в том числе и в области природопользования. Иными словами, государственные элиты через систему законов заботились о сохранении и увеличении рентных потоков природных благ, для чего вводились новые методы природоохранного регулирования: получили распространение штрафы в пользу князя, компенсации нанесенного ущерба, запреты на лов зверя в заповедных местах и в определенные сезоны. «Русская правда» сохраняла ответственность общин за поведение своих членов. Принятие христианства способствовало усилению центральной власти и некоторой гуманизации отношений между людьми. Таким образом, уже в Киевской Руси появились государственные механизмы природоохранного регулирования, которые дополнили уже существовавшие общинные. Тем самым возникла двухуровневая система природоохранных институтов. Эта система в своей основе сохранилась и поныне. Основное отличие современной ситуации состоит в быстром укреплении и расширении сфер наднационального регулирования, что обусловлено глобализацией многих экологических проблем.

Следующий, третий переход в развитии институциональной системы, сформировавшейся в Киевской Руси, связан с ее распадом и постепенным синтезом осколков некогда единой институциональной системы с элементами инородных институциональных систем. В этот период Владимиро-Суздальская Русь через улус Джучи развилась в Великое княжество Московское; Великое княжество Литовское⁷ вошло в состав Речи Посполитой; Новгородская Респуб-

лика (Господин Великий Новгород) установила устойчивые связи с Ганзейским Союзом. Активное заимствование институтов привело к формированию различных институциональных систем и, соответственно, определило различающиеся пути развития методов природоохранного регулирования.

Владими́ро-Суздальская Русь, завоеванная татарами-монголами, вошла в институциональную систему Джучиева улуса. Чингис-Хан в XIII веке создал величайшую империю, объединившую огромные пространства Евразии от Японского моря до Черного. Громадные территории были поставлены под управление Ясы (степного закона), которая была обнародована на Великом Курултае в 1206 году, одновременно с провозглашением Темуджина Чингис-Ханом всей Великой Степи. Для Орды, построенной как строго централизованное военное государство, были характерны отношения по типу «власть — собственность», что соответствовало кочевому образу жизни большей части населения. Ярлыки на княжение надо было получать у каждого нового хана. Захваченные города, которые не уничтожались монголами, рассматривались как часть системы силы и власти. Вечевые традиции Киевской Руси ушли в прошлое. Природоохранное регулирование у монголов было развито слабо, тем не менее, правовая система строго охраняла питьевую воду, предусматривая серьезные наказания за загрязнение источников водоснабжения. Сохранялись и общинные природоохранные традиции у покоренных народов. Прямое институциональное заимствование русскими княжествами иного опыта было затруднено, поскольку князья не имели прав на ведение внешнеполитических отношений без согласия хана. Даже митрополиты ездили в Константинополь через Сарай.

Ослабление власти Золотой Орды и укрепление Москвы в XIV веке привело к созданию независимого Великого княжества Московского, где доминировала ордынская институциональная матрица. Исторической наукой достаточно обоснованно доказано влияние на государственное устройство Великого княжества Московского именно ордынских властных традиций и, в меньшей степени, византийской культуры [11—14], что определило власть и собственность как основу развития институциональной системы.

Природоохранные институты достаточно активно развивались в то время в Великом княжестве Литовском, куда добровольно или

⁷ Полное название: *Великое княжество Литовское, Руское, Жомойтское и иных.*

полудобровольно вошло большинство бывших княжеств Киевской Руси. Официальным языком; Великого княжества Литовского (ВКЛ) русский (старобелорусский) — язык 80 % его подданных. В ВКЛ долго сохранялась унаследованная от Киевской Руси боярская самостоятельность и вечевое самоуправление, которые постепенно трансформировались в дворянскую демократию. Укреплялись отношения частной собственности, что повышало эффективность формальных природоохранных институтов (механизмы взыскания ущерба, выработки коллективных решений, повышение независимости судов). Значительное западное влияние обусловило наделение многих городов западной Руси Магдебургским правом, которое предусматривало и санитарные нормы. Литовские статулы регулировали природопользование в интересах шляхты.

Уже в 1447 году литвинское дворянство получило по польскому образцу гарантии частной собственности на землю и налоговый иммунитет (правитель Литвы лишился права налагать подати и повинности на частновладельческих крестьян). В 1505 году шляхетский сейм в городе Радоме принял так называемую «Радомскую конституцию»: правитель не имел права издавать какие-либо законы без согласия представителей дворянства (сената), причем для принятия закона требовалось его единогласное одобрение всеми участниками сейма — дворянского парламента. В выборах не участвовали ни горожане, ни тем более крестьяне, однако, поскольку дворянский титул носил почти каждый десятый подданный ВКЛ, а затем и Речи Посполитой, в парламентской деятельности участвовало 8—10 % всего населения страны. В состав Речи Посполитой в то время входила значительная часть земель современной Украины и Белоруссии, Смоленская область.

Во многом продолжая традиции Киевской Руси, развивалась уникальная Вечевая православная институциональная система Новгородской Республики. Новгородская модель отражала самобытную традицию частнособственнических отношений, регламентаций и ограничений в природопользовании. Новгородская боярская республика являлась своеобразным городом-государством, где полнотой прав обладали только потомственные новгородские бояре (40 семей — «300 золотых поясов»), в меньшей степени — незнатные коренные жители Господина Великого Новгорода. Представительные органы власти принимали законы и

нормы природопользования, регулировали земельные отношения.

Собственность здесь была относительно независима от центральной власти: новгородские бояре являлись одновременно и политическими руководителями, и крупнейшими землевладельцами. Военная система Новгорода основывалась на совместном использовании дружины приглашенного служивого князя и городского ополчения. Приглашаемый на временную службу князь выступал почти исключительно как военачальник, своего рода кондотьер, не имеющий права вмешиваться в поземельные отношения. Поскольку Господин Великий Новгород являлся активным участником балтийской торговли, его институциональная система развивалась под «облучением» культур западных, прежде всего прибалтийских стран.

В институциональном плане развитие русских земель в XIV—XVII веках можно рассматривать как период формирования трех существенно различающихся институциональных систем. Побеждающая московская модель, развивающаяся в значительной мере государственное управление, свойственное Золотой Орде, основанная на принципах всеобщего служения и мобилизационной готовности, соединяющая власть и собственность, в то время была самой результативной в военном отношении. Раньше всего Москве удалось покончить с Новгородом. После разгрома на Шелони в 1471 году Новгород признал себя «отчиной» московского великого князя. После погромов Ивана Грозного была уничтожена новгородская система собственности на землю и природные ресурсы; были утрачены многие традиции и навыки самоуправления, унаследованные от Киевской Руси. Тем не менее, даже сегодня практики самоуправления на северо-западе России несколько отличаются от других регионов страны.

Объединенное в середине XVI века польско-литовско-русское государство стало называться «Речь Посполитая» и в институциональном аспекте развивалось под доминирующим влиянием польской институциональной матрицы. После захвата Иваном IV ряда земель, относившихся к ВКЛ, как и в Великом Новгороде, элита (бояре и духовенство), ремесленники и мастеровые массово переселялись в глубинные районы Великого княжества Московского, и на захваченные территории переносилась соответствующая институциональная система (включая права собственности и правила природопользования). Тем самым, силовым методом изменяли не только формальные, но стремились изменить и неформальные ин-

ституты.

Анализируя институциональные системы Великого княжества Московского, Великого княжества Литовского и Новгородской Республики, можно сделать ряд выводов, важных для понимания траектории развития природоохранных институтов в современной России.

На обломках Киевской Руси с XIII века происходило постепенное зарождение и формирование принципиально различающихся моделей государственного устройства со свойственными им отношениями прав собственности на землю и природные ресурсы. Для них неизбежно были различны и траектории развития природоохранных институтов. Поэтому следует констатировать, что исторически сложившаяся институциональная матрица современной России (неизменность и примордиальную обусловленность которой подчеркивает ряд экономистов и социологов — С. Г. Кирдина, [15]; О. Э. Бессонова, [16] существенно изменялась на протяжении истории. В любом случае ордынское наследие государственного управления не является этнически или религиозно обусловленным и не находится «в крови» ни русского, ни белорусского, ни украинского народа.

Четвертым институциональным переходом следует назвать момент принятия Иваном IV царского титула (хотя уже Иван III использовал его в международной переписке). До этого в Киевской Руси царем называли Византийского императора, а в золотоордынский период — Великого Хана. Альтернативные варианты развития российской цивилизации к XV веку уже потерпели поражение в конкуренции с московским «вотчинным государством» как более эффективным в военном отношении. Тем не менее техническое отставание от западных соседей стало осознаваться уже Иваном III. Большинство же царей династии Романовых преодолевали технологическое отставание и обеспечивали догоняющее развитие за счет все возрастающей продажи природных ресурсов: леса, пеньки, воска, дегтя, пушнины, зерна и т. п.

В основе такой ситуации лежит невосприимчивость российской институциональной системы к поддержке широких инноваций на основе саморазвития. Дело в том, что при доминировании однополюсной модели государственного устройства механизмы частной собственности не могут быть стабильными и развива-

ются медленно, так как права владения, в том числе и на природные ресурсы, воспринимаются подданными как временные. Люди, выплачивая налоги, не нанимают правительство, а платят веками «положенный» устоявшийся «отход», и носители власти с ним вольны делать все, что им кажется правильным, не спрашивая мнения подданных. В рамках такой системы власти достаточно эффективно обеспечивалась мобилизация войск в стародавние времена, однако крайне сложно было активизировать внутренние регуляторы стимулирования модернизации общества. Приоритет качества жизни конкретной личности, ответственность за обустройство своей улицы на реальной земле мало свойственны такой институциональной модели, а роль главного (и единственного) инноватора институциональных изменений в природоохранной сфере люди отводят Государству.

Отсюда и характерные для эпохи Московского Царства приоритеты природоохранной деятельности: защита стратегических природных ресурсов, необходимых для экспорта; защита источников жизнеобеспечения (питьевая вода); оборонные мероприятия (создание засечных полос ит. п.); царские забавы (организация заповедных зон, недоступных для простых подданных, как прародителей многих современных ООПТ).

В дальнейшем, во времена Петра I, уже в Российской Империи, стали охранять корабельные леса, были приняты первые законы по сохранению водоохраных зон. Об охране атмосферного воздуха, как правило, не думали. Обложение данью «за дым» существовало еще в Киевской Руси (как, впрочем, и в средневековых Великобритании, Венгрии, Румынии) с фискальной целью, но никак не по экологическим причинам. Старые природоохранные обычаи и правила в этот период действовали достаточно эффективно в основном в сельских общинах. В дальнейшем, по мере индустриализации села и разрушения общинных отношений, их роль падала, поскольку стремление к укреплению местного самоуправления практически никогда не было присуще институциональной модели российского государства. Показательно, что когда в состав Российской империи стали входить города, наделенные Магдебургским правом (Минск, Киев, Гомель и др.), то их права местного самоуправления сокращались, а потом были фактиче-

ски отобранны Николаем Первым⁸. Первые серьезные реформы по укреплению местного самоуправления в Российской империи были начаты только Александром II в XIX веке. В XX же веке и эти достижения были во многом утеряны.

Пятый переход в институциональном развитии, к которому мы, возможно, подошли, заключается в изменении роли человека в российском общественном устройстве. Получится ли переход в новое качество — неизвестно. Исследование зависимости возможного коридора будущих институциональных изменений от пройденного пути («pathdependency») показывает, что изменение институциональной системы России в краткосрочной перспективе следует ожидать в рамках последовательной модернизации однополюсной модели власти без существенного изменения базовой институциональной матрицы. Следовательно, развитие природоохранных институтов будет ограничено этой моделью. Многие западные природоохранные институты, ей не соответствующие, скорее всего, будут отторгаться (местное природоохранное планирование с широким участием населения и др.) или видоизменяться в сдаточно-раздаточной логике (в терминологии С. Г. Кирдиной). Эффективными в этих условиях остаются контроль и административное регулирование, и развитие именно этих институтов вполне приемлет институциональные заимствования из международного опыта. Экономические инструменты, которые предполагают наличие устойчивых прав собственности, сегодня, к сожалению, пробуксовывают. Это в первую очередь касается международно признанных методов оценки экологических ущербов; в России сегодня более приемлемы штрафы, рассчитываемые на основе нормативного метода. Что касается объектов прошлого ущерба, то при неопределенных правах собственности их ликвидация также, скорее всего, ляжет на налогоплательщиков, а не на виновных в загрязнении, поскольку последних крайне сложно определить, учитывая особенности советского периода истории.

⁸ Магдебургское право освобождало город не только от судебной, но и от административной власти собственника на земле которого этот город находился. Мещане освобождались от всех повинностей в пользу собственника. Из об негосударственных повинностей главной была военная В 1831 году указом императора Николая Первого Магдебургское право было отменено по всей империи, кроме Киева, где оно сохранилось до 1835 года (авт.).

Могут ли контрольно-административные методы природоохранного регулирования, свойственные исторически сложившейся институциональной модели России, быть конкурентоспособными по сравнению с получившимися распространение в других странах рыночными экономическими регуляторами? С позиций экологии — гипотетически могут. Предельная форма — действенный силовой запрет на развитие грязных производств и бюджетные программы ликвидации прошлого ущерба. Более того, у отдельных сообществ людей в других странах сегодня можно наблюдать различные формы самоизоляции с крайне низким уровнем потребления. Например, первобытные охотники и собиратели в Бразилии существуют и сегодня. Ряд радикальных экологов считают их образ жизни примером для подражания.

Поэтому весьма актуальна постановка вопроса — какой ценой достигается экологический результат и сколько это будет стоить для социальной сферы и экономики? Опыт наиболее экономически развитых стран показывает, что более сложное управление, направленное на стимулирование экомодернизации, применение экономических механизмов, реализующих принцип «загрязнитель платит» или обеспечивающих вмешательство в процессе «жизненного цикла», более эффективно по сравнению с контрольно-административным регулированием. Общества, где велики административные барьеры и несоизмеримы налоги, остаются без инвестиций, в том числе и на природоохранные цели. Важно стимулировать «зеленую» модернизацию, направленную на снижение экологических рисков и развитие новых отраслей экономики, а также создание «зеленых» рабочих мест.

Даже общий анализ развития институциональной системы страны позволяет не только констатировать «маятниковый» характер российской истории [4], но и заметить постепенное ускорение частоты колебаний исторического маятника под воздействием модернизационных процессов в мировой экономике. Это позволяет говорить о постоянной актуализации проблемы расширения исторически сложившейся институциональной колеи.

Россия уже не раз подходила к рубежу институционального перехода. Екатерина Великая, Александр II пытались частично модернизировать общество, существенно воздействуя на институциональную систему. Буржуазная революция начала XX века закончилась кровавым большевистским откатом к силовому восстанов-

лению однополюсной модели государственного устройства, поставив в качестве основы утопическую задачу «выведения» нового, инновационно мыслящего, служилого, послушного советского человека. Все инородное для «советской», мало отличной от ордынской институциональной матрицы, было уничтожено: частная собственность, местное самоуправление, многопартийность, буржуазия, кулаки, носители чуждых знаний.

Выход из институциональной колеи сложен. Важнейшее условие успеха — его зависимость от процесса формирования групп «всеохватывающих интересов» по М. Олсону [17, 18]. Современное Российское общество теоретически имеет шанс расширения, и даже изменения, своей институциональной колеи, однако QWERTY-эффект объясняет, почему этого пока не происходит.

Понимание сути природоохранных институтов, сложившихся в России, не ограничивается только спецификой отношений собственности. Существенно, что русская культура носит экстенсивный характер — она ресурсорасточительна. Причем в критической ситуации демонстрируется поражающая воображение ресурсо- и человекорасточительность, что называется, «победа любой ценой». Например, о какой экологии можно думать, если надо «всем миром», не считаясь с потерями, выполнить пятилетку за три года, реализовать очередной амбициозный экономический проект...?

В России не развиты добровольные институты, как, впрочем, и большинство форм горизонтальной координации природоохранной деятельности. Традиционная институциональная среда (особенно на селе) в XX веке была почти полностью разрушена, а новая не создана, и уже сам этот факт ставит под сомнение возможность добровольности в природоохранном управлении в ближайшие годы. У нас сложно добиваться коллективных компромиссных решений, в том числе и в природоохранной сфере, поскольку не принято уважать «врага», конкурента по бизнесу. В основе этого — неизжитые, более того, усилившиеся за советский период XX века дохристианские манихейские традиции, которые глубоко укоренены в сознании людей и заставляют видеть мир в категориях сплошного конфликта добра и зла, без поиска компромиссов и золотой середины. Можно видеть, как даже на уровне профессиональных экспертов и политиков обсуждаются и принимаются законодатель-

ные предложения, кажущиеся самыми правильными в мире, но не реализуемые в принципе. Примеры тому — законодательное утверждение многих недостижимых при существующем технологическом уровне экологических нормативов на выбросы/сбросы загрязняющих веществ, или отсутствие единых четко определенных требований к оценке экологического вреда при разработке проектной документации на инвестиционные проекты, что делает механизм экологической экспертизы весьма субъективным, и т. п.

Может быть, следует подходить к своим социокультурным традициям не с позиций примордиализма, не фетишизировать их, а конструктивистски и даже инструментально воздействовать на них, если отдельные традиции природопользования тормозят проведение модернизации экономики и угрожают безопасности страны, а при необходимости даже частично, в минимальном объеме, корректировать культурные коды? Простого ответа нет... ибо речь идет о формировании в современной России влиятельных групп «всеохватывающих интересов», заинтересованных в реальной гуманизации российского общества. Наличие таких групп является базовым условием возможных изменений, поскольку уважение, бережное отношение к природе, животным и растениям неотделимо от уважения к личности, к другому мнению, от рассмотрения жизни как высшей цели любого развития. Механизмы природоохранного регулирования, рассматривающие людей в качестве пассивных объектов государственного воздействия, как средства достижения каких-то высших, непонятных им, целей, нигде не смогли показать свою эффективность — не только в долгосрочной, но и в среднесрочной перспективе.

Опыт стран мира, где эффективно решаются природоохранные проблемы в увязке с переходом к инновационной экономике, показывает, что целесообразна смена «административной» на «ответственную» модель поведения [6, 7]. Опыт Японии, Южной Кореи, Сингапура, Бразилии, Китая, Саудовской Аравии и других стран позволяет говорить, что в качестве важнейшего элемента такого перехода требуется проведение государством целенаправленной культурной модернизации. Наоборот, стремление, во что бы то ни стало сохранить в неизменном виде исторически сложившуюся институциональную матрицу, может не только заблокировать модернизацию институциональной системы, а значит, и экономики, но и вызвать регресс — архаизацию общес-

твенных отношений, упадок экономики, когда об экологических проблемах уже не вспоминают. Наиболее показательным в этом отношении является развитие в XX веке институциональных систем Афганистана, Ливана, Ливии, и особенно Зимбабве.

Для России в аспекте проведения успешной культурной модернизации интересен опыт стран БРИКС, в первую очередь Китая, где в последние десятилетия системно и последовательно проводится культурная модернизация, затрагивающая отношения «Общество — Природа» с учетом социокультурных особенностей каждой страны и предполагающая как укрепление традиционных культурных кодов, так и отказ от тех из них, которые тормозят модернизационные процессы и устойчивое развитие страны. Весьма показательны количественные показатели выполнения Стратегии культурной модернизации в Китае: индекс модернизации в культурной жизни, уровень культурной конкурентоспособности, индекс культурного влияния, 24 индикатора оценки и 30 индикаторов мониторинга культуры [19].

К сожалению, в России такой конструктивистский подход к учету культурных традиций с позиции устойчивого развития и проведения эффективной модернизации экономики сегодня слабо востребован. Изучение российской истории позволяет выявить только череду незавершенных попыток модернизации, которые в разной степени затрагивали сферу культуры. Современная ситуация с использованием многих эффективных в других странах природоохранных механизмов осложняется отсутствием у людей традиций реального самоуправления: политическая культура все еще далека от понимания важности для городов ряда положений Магдебургского права; даже немногие земские традиции XIX века сегодня утрачены; экономическая самостоятельность местного самоуправления низка. Как следствие, механизмы территориального природоохрannого планирования с широким участием различных групп населения слабо востребованы, а после 2005 года местные органы власти лишены права осуществлять экологический контроль.

С позиций развития институциональной системы Российской Федерации целесообразно рассмотреть два основных сценария, для которых характерны существенно различающиеся системы управления природоохрannой деятельностью.

Первый сценарий связан с верой в возможность обеспечить модернизацию экономики страны за счет более активного применения традиционных для российской политической культуры методов, связанных с повышением роли государства и нормативно-контрольным регулированием. Проблема укрепления частной собственности и соответствующих культурных кодов в обществе отходит на второй план.

Управление природоохрannой деятельностью в его завершенной форме предполагает широкую практику разрешительных процедур со стороны или под прямым контролем государства, развитие бюджетных природоохрannых программ и т. п. На рынке экологических услуг неизбежно доминирование государственных вертикально-интегрированных организаций и частно-государственных партнерств с высоким уровнем монополизма. Органично для такой институциональной системы наличие зон «договоренности» и люфтов в правоприменении, позволяющих природопользователям и чиновникам находить компромиссные решения. Требования соблюдения экологических прав граждан могут учитываться, однако интересы людей не играют доминирующей роли, поскольку все подчиняется задаче обеспечения экономического роста, пускай даже «грязного». Природоохрannая деятельность на уровне местного самоуправления, поддержка местных инициатив не станут приоритетными направлениями. В таких условиях природоохранные инвестиции и инновации остаются незначительными и концентрируются в основном в крупных корпорациях. Наиболее результативными инструментами становятся: государственный контроль и прямое администрирование с широким применением штрафных санкций. Такой сценарий развития природоохрannой деятельности в рамках исторической институциональной колеи привычен для основной массы населения на уровне исторической памяти, так как не противоречит широко распространенным, архаичным в своей основе, взглядам на отношения власти и общества; в целом он удобен и для ренто-ориентированных элит.

Проблема в том, что результативность реализации подобного сценария с позиций устойчивого развития и достойного места России в мир-экономике XXI века, когда наиболее экономически развитые страны приступили к модернизации, предполагающей достижение низкого уровня потребления природных ресурсов и

снижение зависимости экономик этих стран от экспорта энергетического сырья, вызывает сомнения.

Во-первых, характерное для конца XX века резкое сокращение длительности модернизационных циклов поставило под вопрос саму возможность эффективной модернизации экономики только за счет закупаемых за рубежом технологий без создания собственных источников инновационного роста. Иными словами, использование доходов от продажи природных ресурсов, экономия на уровне жизни людей (как это было в первой половине XX века) позволят лишь на короткий период времени добиться положительных результатов в экономике. Новый виток технологических изменений вне страны быстро потребует новых затрат на их внедрение внутри страны.

Во-вторых, несбалансированный рост, характеризующийся истощением формирующего доход природного капитала и постепенной утратой человеческого капитала, уже в среднесрочной перспективе приведет не просто к ситуации застоя, а к нарастанию процессов поляризации экономического пространства и кризисов регионального развития. Особенно опасны кризисы истощения (количественного и качественного) природных ресурсов, когда локальные территории лишаются наиболее значимых для развития природных активов (потеря доходов от добычи минерального сырья, заготовки древесины, от снижения уловов из-за загрязнения морей и водоемов и т. д.).

В-третьих, неясна ресурсная база реформ. Проблема в том, что основу экономического роста на этапе перехода к новой экономике составляют знания и умения людей. Образованные люди используют все виды капитала более эффективно, в результате чего развитие стран и народов приобретает более устойчивый характер. Поэтому мобилизационный сценарий, если он ориентирован на сохранение и укрепление поведенческой модели «человека административного», еще приемлемый в какой-то степени для индустриального этапа развития, не в состоянии обеспечить эффективную модернизацию общества в условиях перехода к постиндустриализму.

Не может быть эффективным и управление природоохранной деятельностью, реализуемое в рамках такого сценария, поскольку придется его осуществлять в условиях неизбежного нарастания мозаичности регионов, а значит, роста рис-

ков техногенных катастроф, особенно на депрессивных и слабо развитых территориях. Стремление же обеспечить экономический рост за счет уменьшения расходов на охрану окружающей среды обострит кризисы, обусловленные локальным истощением основных экономических и социально значимых природных ресурсов, особенно опасные в периоды неблагоприятной конъюнктуры цен на сырьевых рынках. Также увеличатся реальные затраты общества на ликвидацию последствий негативных экологических воздействий со стороны «грязных» предприятий.

Второй сценарий связан со стимулированием постиндустриальных тенденций в развитии российского общества с опорой на укрепление института собственности, в том числе и интеллектуальной. Несмотря на то, что многие черты такого общества еще не ясны, большинство специалистов считают, что главным фактором устойчивого роста является человеческий капитал. Без повышения роли Человека, его знаний, а также умения людей сообща и ответственно решать проблемы коллективного развития, невозможны опережающие темпы роста сферы услуг, наукоемких технологий, программного обеспечения. Разработка и распространение ресурсосберегающих, экологически безопасных технологий формируют новый тип взаимодействия Общества и Природы, обеспечивают снижение антропогенной нагрузки на окружающую среду, стимулируют интеграцию природоохранных требований в экономические механизмы. Краеугольное значение приобретает укрепление социального взаимодействия, повышение уровня деловой этики, расширение возможностей локальных сообществ сообща, с минимальными издержками решать проблемы развития своих территорий.

В этих условиях экологическая привлекательность территорий и поселений становится важнейшим фактором привлечения инноваций и инвестиций, а благоприятная окружающая среда, объекты природного и культурного наследия как элементы культурного ландшафта приобретают объединяющее, деятельностное значение. Они не только способствуют сохранению исторически сложившихся образов каждого места, но и в состоянии существенно повысить их инвестиционную привлекательность. Уже сама постановка задачи сохранения таких объектов, как правило, объединяет людей в контексте целерациональной деятельности по развитию территорий на устойчивой основе, тем самым привлекая внимание и к охране природы.

На постиндустриальном этапе развития общества возникают реальные надежды на смягчение поляризации экономического пространства, поскольку широкое распространение высоких технологий несколько уменьшает зависимость экономического развития от природно-климатических условий и транспортной доступности, выдвигая на первый план инновационную привлекательность мест. При этом именно культура и экологическая привлекательность становятся важнейшими факторами привлечения инноваций и инвестиций.

Стратегия реформирования управления природоохранной деятельностью в настоящее время, если ее рассматривать с учетом исторической перспективы, должна ориентироваться именно на такой, наиболее благоприятный, но и наиболее трудно реализуемый сценарий развития институциональной системы России.

Исследования развития природоохранных институтов в России, результаты которых изложены в статье, показывают, что впервые за многие столетия для успеха модернизации России необходимо самое глубокое реформирование основ институциональной системы, изменение ее сдаточно-раздаточной сути. Расширению колеи способствуют вступление России в ВТО и стремление вступить в ОЭСР, однако нужно учитывать, что достижение уровня соответствия требованиям, вытекающим из членства в этих организациях, предполагает существенную корректировку исторической институциональной

матрицы, потребует времени и политической воли высшего руководства страны.

Как показывает весьма успешный опыт стран БРИКС, особенно Китая, для реализации таких реформ необходимы системные целенаправленные последовательные действия, поскольку требуется корректировка не только формальных, но и отдельных неформальных институтов. Одна из основных задач такой, в значительной степени культурной, модернизации заключается в снижении интенсивности конфликтов, возникающих при импортировании универсальных природоохранных институтов на территории с различными социокультурными условиями. Иными словами, соблюдение природоохранных ограничений и регламентаций важно обеспечить как с помощью унификации методов природоохранного регулирования, свойственных глобальной экономике, так и за счет повышения внимания к поведенческим, социокультурно обусловленным предпочтениям людей, территориальной оптимизации применения природоохранных институтов (унифицированных и социокультурно обусловленных), тем самым сокращая экономические и социальные издержки решения природоохранных проблем. При проведении институциональных заимствований важно заблаговременно выявлять культурные коды, препятствующие экомодернизации, и целенаправленно, системно воздействовать на них, повышая экологическую культуру.

Библиографический список

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко; Предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
2. Boschma R., K. Frenken (2011). The emerging empirics of evolutionary economic geography // *Journal of Economic Geography*, 11 (2), p. 295—307.
3. Олейник А. Н. Институциональная экономика: учебное пособие. — М.: ИНФРА-М, 2002. — 416 с. (Серия «Высшее образование»).
4. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: Т. I, II. — М., 1991.
5. Фурман Д. От Российской империи до распада СНГ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2005/10/05/furman.html>
6. Фоменко Г. А. Управление природоохранной деятельностью: Основы социокультурной методологии / Г. А. Фоменко. — М.: Наука, 2004. — 390 с.
7. Фоменко Г. А. Институциональные ограничения и регламентации управления природоохранной деятельностью // *Проблемы региональной экологии*. 2012. — № 6.
8. Фоменко М. А. Об устойчивом развитии Ярославской области // *На пути к устойчивому развитию России*. 2011. № 55. — С. 76—79. (Устойчивое развитие и гражданское общество: Рио + 20).
9. David P. A. Clio and the Economics of QWERTY // *The American Economic Review*. — 1985. — Vol. 75. — No. 2. — Pp. 332—337.
10. David P. A. Path Dependence, its critics, and the quest for 'historical economics'. — Stanford, CA: Economics Department, Working Paper No. 00-011. 2000.

11. Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. Т. 3 / Послесл., коммент. А. Ф. Смирнова. — М.: ОЛМА-пресс, 2002.
12. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана / Сост. А. Дугин, Д. Тараторин. — М.: Аграф, 2000. — 554 с.
13. Савицкий П. Н. Континент Евразия. — М., 1997.
14. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. — 3-е изд. — Л.: Гидрометеиздат, 1990. — 526 с.
15. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы: Макросоциологическая объяснительная гипотеза. — М.: СОЦИС, 2001. — Вып. 2. — С. 13—23.
16. Бессонова О. Э. Институты раздаточной экономики России: Ретроспективный анализ. — Новосибирск, 1997.
17. Олсон М. Логика коллективных действий. — М.: Фонд экономической инициативы, 1995.
18. Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. — Новосибирск, 1998.
19. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001—2010) / Пер. с англ, под общ. ред. Н. И. Лапина; Предисл. Н. И. Лапин, Г. А. Тогуныя. — М.: Изд-во «Весь мир», 2011. — 256 с.

Institutional features of the environmental management in Russia

G. A. Fomenko, D. Sc., Professor, Chairman of the Board of the Institute «Cadastre»

References

1. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance / Translated from English by A. N. Nesterenko, Pre. and Scientific. Ed. B. Z. Milner. — Moscow: Foundation for Economic book «Nachala (Elements)», 1997. — P. 180.
2. Boschma R., K. Frenken (2011), The Emerging Empirics of Evolutionary Economic Geography // Journal of Economic Geography, 11 (2). — Pp. 295—307.
3. Oleinik A. N. Institutional Economics: Textbook. — Moscow: INFRA-M., 2002. — P. 416. — (Series «Higher Education»).
4. Akhiezer A. S. Russia: Critique of the Historical Experience: V. I, II. — Moscow, 1991.
5. D. Furman From the Russian Empire until the Collapse of the CIS. — Mode of access: <http://www.polit.ru/lectures/2005/10/05/furman.html>
6. Fomenko G. A. Environmental Management: The Basics of Social and Cultural Methodology. Moscow: Nauka, 2004. — P. 390.
7. Fomenko G. A. Institutional Restrictions and Regulation of Environmental Management // Problems of Regional Ecology. 2012. № 6.
8. Fomenko M. A. Sustainable Development of the Yaroslavl Region // On the Way to the Sustainable Development of Russia. 2011. № 55. — Pp. 76—79. (Sustainable Development and Civil Society: Rio + 20).
9. David P. A. Clio and the Economics of QWERTY // The American Economic Review. — 1985. — Vol. 75. — No. 2. — Pp. 332—337.
10. David P. A. Path Dependence, its Critics, and the Quest for 'Historical Economics. — Stanford, CA: Economics Department, Working Paper No. 00-011. 2000.
11. Karamzin N. M. History of the Russian State: In 12 volumes. V. 3 / Afterword., Comment. A. P. Smirnov. Moscow: Olma-Press, 2002.
12. Troubetzkoy N. S. Legacy of Genghis Khan / Comp. A. Dugin, D. Taratorin. — Moscow: Aграф, 2000. — P. 554.
13. P. N. Savitsky Eurasian Continent. — М., 1997.
14. Gumilev L. N. Ethnogenesis and the Biosphere of Earth — 3rd Ed. — L. Gidrometeoizdat, 1990. — P. 526.
15. Kirdina S. G. Institutional Matrices: Macrosociological Explanatory Hypothesis. — Moscow: SOCIS, 2001. — Issue 2. — Pp. 13—23.
16. Bessonova O. E. Institutes of Distributing Economy of Russia: a Retrospective Analysis. — Novosibirsk, 1997.
17. Olson M. The Logic of Collective Action. — Moscow: Foundation for Economic Initiatives, 1995.
18. Olson M. The Rise and Fall of Nations. Economic Growth, Stagflation and Social Sclerosis. Novosibirsk, 1998.
19. A Review Paper on the Modernization of the World and China (2001—2010) / Translated from English. Under Ed. N. I. Lapin, Pre. N. I. Lapin, G. A. Togunyan. Moscow: Publishing House of the «Yes' Mir», 2011. — P. 256.